

ТРЕЙСИ ВУЛЬФ

СОКРОВИЩЕ

ЗАЩИТИ МЕНЯ

**LIKE
BOOK**

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
В88

Cherish
TRACY WOLFF

Copyright © 2023 by Tracy Deebes-Elkenaney. First published in the United States under the title CHERISH: Crave series #6.

This translation published by arrangement with Entangled Publishing, LLC through RightsMix LLC. All rights reserved.

Перевод с английского *Е. Татищевой*

Художественное оформление *Я. Клыга*

Вульф, Трейси.
В88 Сокровище / Трейси Вульф ; [перевод с английского Е. Татищевой]. — Москва : Эксмо, 2025. — 592 с.

ISBN 978-5-04-216334-0

Прошло почти три месяца с тех пор, как мы остановили Сайруса. Но мирная жизнь не могла длиться вечно. Теперь все разваливается на части.

Хадсон отказался встать во главе Двора Вампиров, и сейчас там царит полный разброд. Но самое ужасное — это то, что Мекай медленно умирает. Я и так потеряла слишком много друзей. И не хочу больше никого терять.

Поэтому я должна вернуться в Мир Теней и найти способ вылечить Мекаю. Неужели мне придется встретиться с Королевой Теней? По крайней мере, на этот раз я буду не одна. Со мной отправятся мои друзья и Хадсон. Вот только с ним что-то не так. У него есть секрет, который он скрывает даже от меня.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-216334-0

© Татищева Е., перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

*Посвящаю тем, кого люблю:
Стеф, Адаму, Нуф и Омару.
Навеки.*

ГЛАВА 1

ЛЕНТУ ЗА ТВОИ МЫСЛИ

— Как ты думаешь, мы еще когда-нибудь увидим это место? — Этот вопрос вырывается у меня, когда мы с Хадсоном мимо кампуса идем к закусочной, где у нас назначена встреча с Иден и Хезер.

Сначала мы договорились встретиться в университетском центре, но в закусочной кофе лучше, а Хезер, кажется, пытается впечатлить одну драконшу.

— Конечно, увидим, — отвечает Хадсон, взяв меня за руку, чтобы успокоить. — Почему ты вообще спрашиваешь?

Я смотрю на него.

— Когда мы попали в Мир Теней в прошлый раз, у нас ушли годы на то, чтобы отыскать дорогу обратно в наш мир. *И я забыла тебя.*

Смутное чувство вины из-за того, что я столько всего забыла, много месяцев жило где-то на задворках моего сознания, но теперь, когда воспоминания о том времени, которое мы провели в Адари, вернулись ко мне... это как удар кулаком в сердце.

И мне сейчас хочется одного — повернуться и пойти домой, чтобы просто *подумать* обо всем этом. Я хочу, находясь рядом с Хадсоном, перебрать все эти воспоминания и вспомнить то, что заставило меня влюбиться в него тогда, в первый раз, — включая его подражание всем этим дурацким птичьим крикам.

Мысль о том, что он помнил все на протяжении долгих месяцев после нашего возвращения, а я все это время была без

понятия, причиняет мне неопишемую боль. Как будто вся я — сплошная зияющая рана.

И эта боль становится еще сильнее, когда Хадсон смеется, глядя на меня, и добавляет:

— Ты говоришь об этом так, будто это преступление.

— У меня такое чувство, будто это и есть преступление, — отвечаю я, борясь с подступившими слезами.

Он сжимает мою руку, трет большим пальцем сдвоенное обетное кольцо на безымянном пальце моей левой руки — сдвоенное, потому что в нем слились кольцо из Города великанов и кольцо из Мира Теней.

— Я уже говорил тебе, что считаю себя везунчиком, раз моя девушка влюбилась в меня дважды. Я об этом не беспокоюсь.

— Это сейчас, но что будет потом?

Он поднимает одну бровь, устремив на меня дразнящий взгляд своих синих глаз.

— Значит ли это, что ты планируешь *разлюбить* меня? — спрашивает он. — Если да, то эта часть плана меня не устраивает.

— Разумеется, я не *планирую* разлюбить тебя, — фыркаю я. — Но я не планировала разлюбить тебя и тогда, когда мы покидали Мир Теней в прошлый раз. Но дерьмо случается.

Не говоря уже о том, что мы до сих пор не знаем, *почему* я утратила эти воспоминания. Как только они вернулись ко мне, Хадсон высказал предположение, что это могло быть связано с гигантским количеством волшебства в драконах времени, которое обрушилось на меня. Но у меня на этот счет есть кое-какие сомнения.

— Ну, тогда я стану парнем, которому выпала особая честь, ведь его девушка влюбилась в него трижды. В жизни случаются вещи и похуже.

— Да, но это потому, что в тот раз все в конечном счете утряслось. — Я качаю головой. — Поверить не могу, сколько всего я тогда...

— Да ладно тебе. — Он обрывает мою речь, заключив меня в объятия прямо здесь, на полном народе тротуаре между супермаркетом и моим любимым заведением, где подают та-

ко с рыбой. — Ведь в тот раз все утряслось. Мы же здесь, и мы вместе, не так ли?

— Это *сейчас*, — отвечаю я. — Это сейчас мы вместе. — Но до этого прошло много месяцев, месяцев, которые мы потеряли. Столько боли, столько страданий, столько душевных мук. Так что стоит ли удивляться тому, что мне совсем не хочется, чтобы кому-то из нас пришлось пройти через это снова?

— *Сейчас* — это единственное, что имеет значение. Ты моя пара. Ты всегда будешь моей парой, и я всегда буду любить тебя. Разве может быть иначе? — В его глазах видны веселые искорки, когда он добавляет: — Ради тебя я прошел сквозь время, Грейс. Я люблю тебя. Я всегда любил тебя. И всегда буду любить.

Это нелепо, но, хотя я и знаю, что он цитирует один из наших любимых фильмов, который мы смотрели в те месяцы, когда были заперты в его псевдоберлоге, мое сердце тает. Впрочем, для Хадсона никогда не составляло проблемы заставить меня таять. Так было с самого начала. Но это не мешает мне немного подколоть его.

— Мне позвонил Джеймс Кэмерон. Он хочет получить строчку из своего диалога обратно.

Хадсон смеется.

— Ты просекла, да?

— Просекла ли я, что ты только что процитировал «Терминатора»? Да, просекла.

— Не моя вина, что в этом фильме так много удачных диалогов.

— Верно, но то, что ты так неугасимо любишь меня, — это *всецело* твоя вина. — Я тащу его за собой в супермаркет.

— Ну что тут скажешь? Ведь в душе я романтик. — Он оглядывается по сторонам. — Зачем мы зашли сюда?

— Нам нужен отдел, где продается подарочная упаковка. Я хочу посмотреть, есть ли у них блестящие ленты, — говорю я, ведя его в глубь магазина.

Мне казалось, что это невозможно, если учесть, как он смотрит на меня с тех пор, как я сообщила ему, что вспомнила все, что произошло в Мире Теней, но теперь взгляд Хадсона делается еще более нежным.

— Ты хочешь купить ей еще лент?

Его голос хриплый, а у меня сжимается сердце, потому что мы оба вспоминаем маленькую умбру, которую он любил как дочь. Ту, которая пожертвовала собой, чтобы спасти его. Нет, она не погибла. Мне необходимо верить, что она жива и ждет, чтобы Хадсон нашел ее снова.

— Не впадай в сентиментальность. Я делаю это в собственных интересах, — говорю я, кашлянув, чтобы прочистить вдруг сжавшееся горло. И, взяв большую катушку сверкающей золотой ленты, разглядываю ее. — Я хочу понравиться Дымке.

— Ты и так нравишься ей.

Я отрываюсь от сравнения двух лент — красной, усеянной блестками, и блестящей розовой, — чтобы посмотреть на него, как бы говоря «ты шутишь?». После этого он поспешно сгребает все три катушки лент, в придачу схватив блестящую серебряную, и идет к ближайшей кассе.

— Ну, возможно, «нравишься» — это слишком сильно сказано. — Он останавливается, чтобы взять с полки коробку вишневого печенья «Поп-Тартс», прежде чем подойти к кассе самообслуживания.

— Возможно, «нравишься» — это просто стопроцентное *вранье*, — парирую я, достав кредитку, чтобы оплатить покупки.

Но Хадсон, как обычно, опережает меня, отсканировав свою черную карту «Американ Экспресс». Я беру покупки, кладу их в рюкзак, и мы выходим из магазина.

Он больше ничего не говорит, когда мы идем дальше, но снова берет меня за руку и держит ее так, будто это спасательный круг.

Я невольно начинаю гадать, не беспокоят ли его мысли об этом путешествии в Мир Теней больше, чем он готов показать, но прежде, чем я успеваю спросить его об этом, он тихо произносит:

— Она же жива, да?

— Да, жива, — отвечаю я, что есть силы сжав его руку. — Мы найдем ее, Хадсон. Мы начнем с фермы, и, если Дымки там не окажется, будем искать, пока не выясним, где она. Она где-то там и ждет, когда ты найдешь ее. Так и будет, мы отыщем ее, я тебе обещаю.

Он кивает, но он по-прежнему обеспокоен. И немудрено. Дымка терпеть меня не могла, но сама я любила ее, не могла не любить, ведь она любила Хадсона, парня, который никогда не знал любви, но, как никто, заслуживал ее. И теперь, когда я вспоминаю Мир Теней и все, что там произошло, утрата Дымки причиняет мне боль. А как это мучит Хадсона, как это мучило его все эти месяцы? Я даже представить себе не могу.

— Хватит, — говорю я, зайдя в промежуток между зданием. — Послушай, мы обязательно отыщем твою смешную маленькую умбру. — Я стараюсь смотреть на него уверенно, надеясь, что мое опасение, что Дымка умерла, запрятано так глубоко, что Хадсон не сможет его увидеть. Потому что, хотя нам известно, что огонь, изрыгаемый драконами времени, меняет линии времени и отправляет тех, кто попал в Мир Теней, или Норомар, извне, в тот момент времени, в котором они находились до того, как это произошло... я понятия не имею, что в этом случае происходит с существом, которое там *родилось*.

Я стараюсь не думать о том, что Дымка могла погибнуть, и твердо смотрю Хадсону в глаза, стараясь поддержать в нем веру в то, что она жива.

Когда вокруг его глаз появляются морщинки и один уголок его рта приподнимается в кривой улыбке, я испускаю длинный вздох облегчения. Он качает головой.

— Она и впрямь смешная, верно?

— Верно, смешная. И если она захочет вернуться с нами в наш мир, то мы придумаем способ переместить ее сюда.

— А что мы будем делать, когда перенесем ее сюда? Ведь здесь она выглядела бы странно.

— Мы ее спрячем, что же еще? Как Лило в мультике прятала Стича — только намного лучше.

Он смеется, как я и хотела, но я все равно вижу в его глазах беспокойство. Это убивает меня. Хадсон столько сделал для меня, он всегда делал все, чтобы я чувствовала себя в безопасности даже в самых ужасных ситуациях, и почти никогда ничего не просил для себя. Ему необходимо знать, что Дымка жива, здорова и счастлива. И я расшибусь в лепешку, но добьюсь, чтобы так и было.

Секунду он смотрит на меня, ища в моих глазах ответ на вопрос, хотя он не знает, что вообще задает этот вопрос.

— Я люблю тебя, Грейс.

— Да, знаю, сквозь время, — поддразниваю его я.

— Не только сквозь время, но и несмотря ни на что, — говорит он, и он еще никогда не выглядел таким серьезным.

— Я тоже люблю тебя. — Я подаюсь к нему и целую его, упиваясь трепетом, который охватывает меня, как только наши губы соприкасаются. — Что бы ни случилось.

Он хочет сделать наш поцелуй более глубоким, и я не противлюсь, потому что у меня никогда не возникает желания сказать ему «нет». А также потому, что я становлюсь сама не своя, когда он царапает клыком по моей нижней губе.

По моей спине бегут мурашки, мои пальцы вцепляются в его рубашку, и я целиком отдаюсь ему — отдаюсь этому поцелую — еще несколько секунд.

Затем заставляю себя сделать шаг назад, хотя сейчас мне ужасно хочется потащить Хадсона домой и сделать с ним то, чего я желаю. Или чего желает он.

Но у нас есть дела и есть те, кто рассчитывает на нас, поэтому я улыбаюсь ему и говорю:

— Нам надо идти. Хезер и Иден ждут нас.

Он кивает, затем наклоняется и кусает мою нижнюю губу еще раз. Я едва не говорю: «А гори оно все синим пламенем». Они ждут уже долго — и могут подождать еще.

Но тут я вспоминаю Дымку и Мекая и все остальное, с чем нам нужно разобраться. Я беру Хадсона за руку.

— Пойдем, — говорю я ему.

Он закатывает глаза, но не спорит, и мы снова выходим на запруженный людьми тротуар. Мы проходим пару кварталов, и тут Хадсон вдруг становится передо мной, и его плечи напрягаются.

— В чем дело? — спрашиваю я, пытаюсь заглянуть за его спину, сердце начинает колотиться в груди.

Но он не отвечает, потому что слишком занят, оглядываясь по сторонам.

— Хадсон? — говорю я, когда проходит несколько секунд, но он не расслабляется и не перестает оглядываться.

— Прости. — Он наконец делает шаг назад. — Мне показалось, что я что-то увидел.

— Что именно? — Я смотрю вперед-назад и делаю несколько вдохов, чтобы успокоиться. Перед кафе-мороженым стоят несколько студентов в форменных толстовках, мужчины и женщины, одетые в деловые костюмы, спешат с работы, идет мамочка с ребенком в коляске — вот и все. Я здесь больше никого не вижу.

— Не знаю. Я просто... — Он качает головой и снова берет меня за руку. — Ничего, пустяки.

— Да, я тоже так думаю, — соглашаюсь я, когда мы идем дальше, но я не могу не оглянуться — просто так, на всякий случай.

Когда мы поворачиваем и переходим улицу, Хадсон спрашивает:

— Мы же не станем брать с собой Хезер, не так ли? Ведь она обыкновенный человек.

— Эй! — Я гримасничаю. — Не говори об этом так, будто это плохо. Я сама много лет была обыкновенным человеком.

— Ты понимаешь, что я имею в виду. Я беспокоюсь, что с ней что-нибудь случится.

— Я тоже. Поэтому пока что мы позволим ей полететь с нами. Но как только мы пойдем, как нам попасть в Мир Теней, я куплю ей билет на самолет и отправлю ее обратно.

— О, она будет в восторге.

— Это будет билет первого класса, — говорю я, показав ему язык. — И она и впрямь будет в восторге — это точно понравится ей куда больше, чем смерть от рук Королевы Теней или кого-то еще.

— Верно подмечено, — соглашается он, когда мы поворачиваем за угол и оказываемся перед закусочной, до блестящей двери которой остается не более десяти футов. — К тому же рядом с тобой уже есть один человек, требующий постоянного внимания. Ты не можешь заботиться сразу о двух таких людях.

— В самом деле? — Я вскидываю брови. — Ты чувствуешь, что тебе нужно постоянное внимание?

— Я тебя умоляю. — Он фыркает — очень по-британски, — держа передо мной дверь. — Я имел в виду Флинта.

Я смеюсь, но он прав. Но ничего, мы справимся. Мы с Хадсоном вместе, а значит, все будет хорошо.

Я улыбаюсь ему, заходя в закулочную... и оказываюсь нос к носу с очень недовольным Джексоном и Флинтом.

ГЛАВА 2

СЕРДЦЕ НЕ НА МЕСТЕ

Осознав, кто передо мной, я сразу же бросаюсь к ним обнимать. Они подхватывают меня — разве может быть иначе? — и я крепко-крепко обнимаю каждого из них за шею.

Мы уже месяц как не видели друг друга. Теперь, когда мы с Хадсоном живем в Сан-Диего, а они — на Манхэттене, мы видимся не так часто, как я бы хотела. Возможно, FaceTime не так плох, но это все-таки не то же самое.

Флинт смеется, убирая со своего лица мои непокорные кудряшки. Затем оттаскивает меня от Джексона и пару раз кружит.

— Ты отлично выглядишь, Новенькая.

Я морщусь, делая вид, будто мне не нравится это старое прозвище, хотя на самом деле оно вызывает у меня улыбку. Флинт не меняется, как и его вечное поддразнивание — что-то постоянное в этом мире, который так часто кренится под моими ногами.

— Хотелось бы мне, чтобы я могла сказать то же самое и о тебе, *Юный Дракон*, — отвечаю я. — У тебя такой мощный фингал.

Но он только фыркает.

— Видела бы ты другого парня.

Пока мы с Флинтом обмениваемся шутками, Джексон прочищает горло, пытаясь привлечь к себе внимание. Теперь морщится уже Флинт, и мы оба поворачиваемся к моей бывшей паре.

— Ты отлично выглядишь, Джексон, — говорю я ему ободряющим тоном.

— А тебе не кажется, что твоя похвала немного запоздала? — откликается он, но тоже крепко обнимает меня, и меня окутывает успокаивающий аромат снега и апельсинов.

— Похоже, жизнь при Дворе Драконов идет тебе на пользу, — замечает Хадсон, подойдя к нам.

— Ну, что-то точно идет ему на пользу. — Флинт широко улыбается и хлопает Хадсона по спине. По-видимому, именно это делают мужчины, которые прежде были врагами, а теперь стали друзьями.

Джексон фыркает — не совсем поддразнивающе — и замечает:

— По-моему, он говорил со мной.

Улыбка Флинта гаснет, и он тихо произносит:

— Знаю.

Но Джексон уже разглядывает Хадсона и ничего не замечает.

— Похоже, Сан-Диего действует на тебя благотворно, брат. Куда лучше, чем Двор Вампиров.

Хадсон смотрит ему в глаза, я перевожу взгляд то на одного из них, то на другого, и мне кажется, что они говорят куда больше, чем то, что мы слышим.

— Кто бы мог подумать, что вампиры способны загорать? — наконец отзывается Хадсон, когда мы идем к нашему столу, где Иден и Хезер смотрят друг на друга влюбленными глазами над тарелкой картошки фри. Во всяком случае, влюбленными глазами смотрит Иден... более влюбленными, чем я ожидала.

— Похоже, это кольцо, которое подарил тебе Реми, пришлось тебе очень кстати. — Флинт кивком показывает на кольцо на пальце Хадсона — то самое, которое позволяет ему не пить человеческую кровь и спокойно находиться на солнце.

Мне повезло.

— Да, так и есть, — подтверждает Хадсон, и взгляд, который он бросает сначала на своего брата, а затем на Флинта, говорит о том, что он заметил то же, что и я. Что Джексон и сам здорово загорел, хотя у него и нет подобного кольца. — Ну, давайте начнем эту вечеринку.